С.В. Дмитриев ИВ РАН

PRAECLARISSIME POLONICE RUSSICEQVE ERUDITO ATQUE PRAECEPTORE VENERABILI STANISLAE KUCZERA, AD HONOREM OCTOGESIMI DIEI NATALI SUI

К вопросу о Каракоруме

В первые годы существования Монгольской империи, в правление Чингис-хана (1162–1227, провозглашен великим ханом в 1206 г.), резиденция великого хана была ставкой кочевого правителя — он не был склонен связывать себя постройкой зданий и, вероятно, не считал это делом нужным и достойным правителя монголов¹. К тому же на долю основателя империи пришлось не так уж много спокойных лет, когда он не был занят войнами и походами. Однако уже в правление его сына Угэдэя (1186–1241, великий хан с 1229 г.) влияние представителей оседлых народов, вошедших в состав империи, на правящую прослойку кочевников значительно усилилось, следствием чего, в частности, стало начало строительства в 1235 г. города Каракорума², провозглашенного столицей империи (см. [25, цз. 2, с. 4]).

Каракорум уже довольно давно стал предметом внимания ученых³. Тем не менее обстоятельства, определившие выбор названия столицы и места для этого масштабного строительства, насколько нам известно, в значительной степени остаются вопросами, изученными явно недостаточно. При этом ответ на данный вопрос смог бы, вероятно, прояснить некоторые аспекты раннеимперской идеологии Монгольского государства, так как столица, особенно не наследуемая, а основанная — это в первую очередь яркий символ того, как правитель представляет себе свою власть и государство, их облик и цели.

По поводу времени основания столицы между исследователями есть некоторые разногласия. Чаще всего за такую дату принимается 1235 год,

© Дмитриев С.В., 2009

когда, согласно *Юань ши* («Истории [династии] Юань»), там был построен дворец Вань-ань гун 萬安宫 (Дворец десяти тысяч спокойствий), а сам город был обнесен стеной (см. [25, цз. 2, с. 4]). Однако ряд исследователей предлагают более раннюю дату (см., например, [8, с. 132–133]), основываясь преимущественно на том, что не позднее чем в 40-х годах XIV в. существовала традиция, согласно которой место будущей столицы было выбрано самим Чингис-ханом в 1220 г. Об этом сообщается в тексте стелы, поставленной в Каракоруме в 1346 г.⁴, а также в *Юань ши* (см. [25, цз. 58, с. 124]).

Нам такая датировка кажется несколько сомнительной. В пользу того, что эта традиция достаточно поздняя, свидетельствует то обстоятельство, что ни в одном более раннем источнике эта история не изложена. Учитывая важность вопроса, это кажется более чем странным. Вполне вероятно и объяснимо, что потомкам, для которых Чингис-хан уже окончательно и бесповоротно стал божеством и культурным героем, казалось невероятным, чтобы основание столицы могло произойти без его участия, следствием чего и стала выработка этой версии, не основанной, таким образом, на каких-нибудь реальных фактах.

В принципе нет ничего невозможного в том, чтобы Чингис-хан каким-то образом отмечал эти в вышей степени благоприятные для кочевника земли, даже останавливался здесь, тем более что, по ряду свидетельств, до того здесь нередко разбивали лагерь правители найманов (см. [17, т. І., ч. 1, с. 136]) и кереитов (см. [55, р. 207; 17, т. І, ч. 1, с. 129]). Нельзя полностью исключать и возможности, что, как полагает Поль Пеллио, где-то в этом районе мог размещаться лагерь жен и домочадцев Чингис-хана во время его похода в Среднюю Азию (см. [48, vol. І, р. 167]), хотя никаких оснований этому предположению нет. Но нам кажется, что даже если все это и имело место, то с идеологической и политической точки зрения это совсем не то же самое, что основание крупного города⁵, позиционируемого как имперская столица во вполне оседлом смысле этого слова.

Археологическое изучение Каракорума экспедицией С.В. Киселева в 1948–1949 гг. показало, что, действительно, есть ряд свидетельств тому, что город был построен не на пустом месте – в насыпном холме, на котором ок. 1235 г. был возведен знаменитый дворец Угэдэя, были найдены остатки буддийской кумирни, стиль фресок которой, по мнению С.В. Киселева, относится «к XII в. или, скорее, к началу XIII в.» [8, с. 133]. Исследователь, полагая, что «буддийские миссионеры, несомненно, проникли в эти далекие места лишь в связи с основанием поселения, и не простого поселения» [8, с. 133], делает вывод, что кумирня была построена во времена Чингис-хана, и доказывает, что уже при нем Каракорум представлял собой крупный город. Этот аргумент трудно признать убедительным. Во-первых, активность буддийских миссионеров не надо недооценивать. Известно, например, что среди тех же найманов и кереитов буддизм, как и христианство несторианского толка, имел значительное распространение гораздо раньше их подчинения Чингис-ханом. Не надо забывать и о более ранних временах Уйгурского каганата, когда в этих местах, в непосредственной близости от столицы империи, Орду-балыка (его развалины, известные как Кара-балгасун 'Черное городище', находятся в 27 км к северо-западу от Каракорума), проживало великое множество буддистов. Нет ничего удивительного в том, чтобы миссионеры, например, возвели часовню (размеры разрушенного храма установить невозможно) в ставке их кочевого покровителя, более того, именно таким образом они всегда и поступали, хотя, конечно, чаще всего храм был приспособлен к кочевому быту и не был стационарным. Но в данном случае их задача облегчалась тем, что, как мы уже говорили, долина Орхона, питаемая множеством рек и ручьев, стекающих со склонов Хангая, предоставляет в высшей степени благоприятные условия для кочевников, и в таком месте лагерь кочевого правителя мог долго оставаться на одном месте, не перемещаясь, что делало оправданным строительство небольших постоянных сооружений, которые не могли следовать за перекочевками, но зато позволяли использовать гораздо более внушительные средства религиозной пропаганды, например те же настенные росписи. Во-вторых, фрагменты фресок (подробнее о них см. [8, с. 167–172]), как нам кажется, слишком малы, чтобы с уверенностью датировать их по стилистическим особенностям, тем более что такая датировка, как известно, в виду исключительной устойчивости традиции в буддийской религиозной живописи, представляет большие трудности даже для полностью сохранившихся изображений.

Наконец, кажется более чем странным, чтобы Угэдэй, как полагает С.В. Киселев, приказал для постройки своего дворца разрушить буддийский храм, тем более построенный совсем недавно, при его отце. Религиозная терпимость монгольских правителей весьма известна, как и то, что даже во время войн они по возможности избегали разрушать храмы любых религий. Тем более странным был бы такой поступок в мирное время в столице империи, населенной множеством буддистов. В такой ситуации можно было бы себе представить разрушение часовни с целью постройки на ее месте более обширного храма, но постройка здесь дворца была бы свидетельством откровенно антибуддийской политики Угэдэя, о чем у нас нет никаких данных даже в мусульманских источниках (которые, конечно, с большим удовольствием отметили бы даже малейшую враждебность великого хана к «язычникам», если бы она имела место). Скорее всего, кумирня, из которой происходят найденные фрагменты фресок, была построена из сырцового кирпича и разрушена задолго до возведения дворца, так что ко времени Угэдэя представляла собой оплывший до неузнаваемости глиняный холм, из которого строители дворца брали грунт для насыпки холма. Это, к слову, также говорит о том, что кумирня, скорее всего, изначально находилась не на месте дворца, как думает С.В. Киселев, а неподалеку от него.

Таким образом, как текстовые, так и археологические аргументы основания Каракорума как столицы империи при Чингис-хане не кажутся нам вполне убедительными, и потому мы считаем более правильным считать реальным основателем города Угэдэя, при котором в городе началось масштабное строительство императорской резиденции и городских укреплений.

Происхождение названия города представляет собой отдельную интересную проблему. Впервые это имя появляется у Плано Карпини, в форме Caracoron (см. [55, р. 30]), Гийом Рубрук, проведший в городе немало времени и оставивший его подробное описание, называет его Carachorum или Caracorum (см. [ibid., р. 230, 236]), Джувейни и Рашид ад-Дин пишут Qarā-Qŏrйm и Qarā-Qōrūm (см. [48, vol. I., р. 165]), в форме Qara-Qorum топоним встречается в «Сокровенном сказании монголов» (см. [18, § 273, с. 571]). В Юань ши город называется Хэ-линь 和林 (см., например, [25, цз. 2, с. 5]). Топоним «Каракорум» в «полной» версии встречается лишь однажды и обозначает некую реку Халахэлинь-хэ 哈刺 和林河, протекающую к западу от города, по которой, по мнению автора главы, он и был назван (см. [там же, цз. 58, с. 124]). На самом деле к западу от Каракорума протекает р. Орхон, чье имя хорошо известно по источникам и неизменно по крайней мере с VII-VIII вв. и с лингвистической точки зрения ни в коей мере не может быть передано как Хэлинь. Как полагает Поль Пеллио, это объясняется тем, что авторы Юань ши основывались на дневниках некоего Чжан Дэхуэя 張德輝, посетившего Каракорум в 1247-1248 гг., который пишет, что там, посреди широкой равнины, «есть хэлиньское урочище» (чжүн изи Хэлинь-чуань е 中即和林川也) (цит. по [48, vol. I, p. 166]). Авторы династийной истории, по мнению Пеллио, неправильно поняли слово чуань, которое в данном контексте правильно переводить не как «река», а как «долина, урочище». Более того, здесь вовсе не идет речь о том, что город был назван по имени этой долины, – имеется в виду просто долина, на которой расположен город, долина Каракорума.

Впрочем, топоним Хэлинь встречается в источниках, касающихся и не только монгольского времени. В «Стеле о заслугах идикутов Гаочан-ванов» (И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй 亦都護高昌王世勳碑)⁶, основном источнике по истории правящего дома уйгурского Турфанского княжества в монгольскую эпоху, в части, посвященной происхождению уйгуров, их былой славе и родным местам, сказано: «В землях уйгуров есть гора Хэлинь 和林山, [из которой] вытекают две реки, [одна] называется Ту-ху-ла 秃忽刺 (Тола. – С.Д.), [вторая] называется Сюэ-лин-гэ 薛靈哥 (Селенга. – С.Д.)» [30, с. 40]. Горы Хэлинь упоминаются в тексте стелы еще несколько раз, каждый раз выступая как один из ключевых топонимов «колыбели» уйгуров и района расположения столицы каганата. О похожей традиции сообщает персидский историк Джувейни (1226–1283): когда-то, по его словам, уйгуры жили на берегах р. Орхон, которая течет с гор Каракорум, по которым названа столица Угэдэя. Первый легендарный каган уйгуров родился в месте, находящемся между реками Тола и Селенга, причем последняя тоже берет свое начало в горах Каракорум (см. [36, vol. I, p. 54–55]); о горах Каракорум в древних землях уйгуров, от которых происходит название столицы великих ханов, говорит и Рашид ад-Дин (см. [17, т. І, ч. 1, с. 146]).

Именно от этого уйгурского топонима, по-видимому, и происходит название города, и поэтому, естественно, само слово имеет тюркское происхождение. По-тюркски *qorum* (уйг. Goro[^]) значит «скалы, валун,

сокровище»⁷, в таком значении слово отмечено, в частности, у Махмуда Кашгарского (см. [43, vol. I, р. 303; vol. II, р. 180; vol. III, р. 200]), «Черные скалы» — действительно вполне подходящее имя для горы (или гор)⁸. То есть столица Монгольской империи, расположенная всего в 27 км к юго-востоку от разрушенной киргизами столицы Уйгурского каганата, Орду-балыка, выше по течению р. Орхон, получила свое название от неких Черных гор, важного традиционного топонима, тесно связанного с периодом величия Уйгурской империи.

Видимо, учитывая сведения, что с этих гор стекают Орхон и Селенга, горы Каракорум можно отождествить с современными Хангайскими горами или по крайней мере с какой-то их частью. Впрочем, нельзя не отметить, что Тола берет свое начало не в Хангае, как сказано в стеле идикутов, а в Хэнтэе, примерно в 500 км к северо-востоку от долины Орхона, и впадает в Орхон лишь в конце своего пути. Конечно, можно считать, что это просто ошибка, вызванная тем, что турфанские уйгуры, слишком давно не видевшие земель предков (Турфанское княжество было основано в середине IX в. уйгурами, покинувшими родные степи под ударами енисейских киргизов), перепутали Толу с Орхоном, который, кстати, в тексте стелы ни разу не упоминается. Джувейни, бывавший в Каракоруме, такой ошибки не делает. Но он делает другую: ведь собственно говоря, не существует никакого междуречья Селенги и Толы, так как их разделяет Орхон. Вероятнее всего, многое из того, что кажется нам ошибками и неточностями, объясняется тем, что гидронимы той эпохи могут не полностью совпадать с современными, одна и та же река могла называться по-разному на разных участках ее течения, и не исключено, что современные их названия являются прежде всего следствием унификации, проведенной при составлении современных географических карт, которые, таким образом, не стоит считать истиной в последней инстанции, особенно при изучении надписей, составленных гораздо раньше. В одном, впрочем, можно быть уверенным - как бы ни назывались реки, текущие в окрестностях Каракорума, абсолютное большинство из них стекает с Хангайских гор, так что, видимо, мы все же можем с большой долей уверенности отождествить эти горы с Черными горами, Каракорумом.

Именно к тюркскому слову *корум* восходят китайские и монгольские транскрипции названия города. Попытки «найти оригинальное монгольское название» Каракорума, которые нередко предпринимаются, таким образом, лишены смысла, поскольку никакого оригинального монгольского названия, скорее всего, никогда не существовало, город изначально назывался тюркским словом, игравшим важную роль в тюркской, а точнее, в уйгурской космогонии.

Об этом свидетельствуют и сами «реконструкции», которые переводятся совершенно иначе, нежели исходное тюркское понятие: так, слово хорин, входящее в название города Хар Хорин (на которое, казалось бы, указывает кит. Хэлинь), ныне находящегося неподалеку от развалин Каракорума (этот вариант названия города считал правильным о. Иакинф Бичурин (см. [5, с. 251]), переводится как «двадцать, небольшая группа»

(см. [46, р. 966]). Никакого отношения к горам этот топоним не имеет и представляет собой не более чем попытку чисто фонетически, а не по смыслу, адаптировать слово «Каракорум» к монгольскому языку. Кажущееся сходство кит. хэлинь и монг. хорин ложно и объясняется тем, что в китайском языке нет звука p, в средневековом китайском языке также отсутствовали финали -ум или -ом (см. [48, vol. I, p. 165]).

Иногда встречающийся вариант «Хар Хорум» по-монгольски и вовсе не имеет смысла, так как слово хорум (хурам, хором) переводится как «мгновение, краткий миг» (см. [46, р. 991]). Фактически это просто уйгурское словосочетание, прочтенное по правилам монгольской фонетики, не делающей различия между «к» и «х», которое в монгольском языке самостоятельного смысла, подходящего к данной ситуации, не имеет. В такой ситуации использование монгольской формы кажется ненужным и совершенно излишним.

Почему же было выбрано именно это название и почему столица была основана именно здесь? С.В. Киселев, как и ряд других исследователей, считает решающим фактором «тучные пастбища и плодороднейшие земли, в сочетании с наиболее благоприятным в Центральной Монголии микроклиматом» [8, с. 123]. Конечно, этот фактор нельзя недооценивать. Кочевник в течение всей своей жизни в огромной, значительно большей, чем земледелец, степени зависит от климата и капризов природы, кочевое государство зависит от них не меньше. Именно поэтому долина Орхона издавна стала ключевым регионом монгольской степи, центром и основой кочевых империй. Однако не все и не всегда может быть объяснено только материальной стороной дела. Рассмотрим, что нам известно о долине Орхона и ее роли в истории кочевых империй.

Первыми известными нам свидетельствами того, что этот регион начинает играть особенную роль в Великой степи, можно считать погребальные памятники Кошо-Цайдама, относящиеся к последнему периоду существования государства орхонских тюрок (Восточнотюркский каганат, 689-745). В этих памятниках неоднократно упоминается основа мощи тюрок, т.н. Отюкэнская чернь (Отукан јыш). В Большой надписи Бильге-кагана (683/4-734, правил с 716 г.) тюрки называются «народом священной Отюкэнской черни (Ыдук Ömÿкäн jыш будун)» [13, стк. 23, с. 23, 39], в Малой надписи говорится, что «Отюкэнская чернь была именно страною, в которой можно было созидать племенной союз» [там же, стк. 4, с. 19, 34] и что только там тюркский народ находится в безопасности и может процветать (см. [там же, стк. 8, с. 20, 35]). Однако Отюкэн не является абстрактной «землей обетованной», как иногда считается. В надписи Тоньюкука, советника Бильге-кагана, рассказывается, как именно тюркский народ поселился в этих местах. По приказу кагана Тоньюкук привел «к лесу Отюкэн» войско, и здесь были разбиты огузы (уйгуры), пришедшие «по реке Тогла» [там же, стк. 15, с. 57, 66]; одной из своих заслуг Тоньюкук считает то, что он «привел тюркский народ в землю Отюкэн и... сам... избрал местом жительства землю Отюкэн, [услышав об этом], пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы» [там же, стк. 17,

с. 57, 66]. Исходя из того, что в связи с битвой в Отюкэнском лесу упоминается р. Тогла (Тола), а также учитывая факт, что сами вышеуказанные памятники были найдены на восточном берегу Орхона, примерно в 35 км к северу от Каракорума, логично предположить, что именно эти места и надо понимать под Отюкэнской чернью.

Остановимся несколько подробнее на значении топонима. Отюкэн, вероятнее всего, можно связать с монгольским Этуген (Etügen, Ötőgen), встречающимся в «Сокровенном сказании», где слово обозначает Мать-Землю, второе по значимости божество после Неба-Тэнгри (см. [54, vol. I, § 113, р. 43, 430–431]). Слово јыш В.В. Радлов переводит как «горы, покрытые лесом», «чернь» [16, т. III, ч. 1, с. 498]. Интересно, что в надписи Тоньюкука словосочетание «Отюкэнская чернь», ставшее устойчивым выражением к моменту написания надписи Бильге-кагана, еще не является таковым [1], Отюкэн именуется «землей» (јар) или «лесом» (јышкар). Значение слова јыш достаточно явно перекликается с современным монгольским словом хангай, которое, помимо того что обозначает горы, с которых стекают Орхон и Селенга, является производным от слова ханах («быть удовлетворенным, довольным, полным») (см. [46, р. 930]) и обозначает вообще горы, покрытые лесом, с мягким климатом и изобилующие всем необходимым для жизни человека и его стад – водой, растительностью и дичью (см. [там же, р. 928]).

В 744—745 гг., вскоре после смерти Бильге-кагана, как мы знаем из китайских и уйгурских источников, Восточнотюркский каганат был сокрушен коалицией уйгуров, карлуков и басмылов, и был основан Уйгурский каганат (см. [3, с. 145]). Центром каганата стала долина Орхона, где в правление Элетмиш Бильге-кагана (Мояньчжо 磨延啜 китайских источников) (правил в 747—759 гг.) была выстроена столица империи Орду-балык, что не мешало кагану в летнее время вести кочевой образ жизни. В Терхинской надписи, найденной в 1957 г. у р. Терхин-гол, в северо-западной части Хангайских гор, и датируемой 753—756 гг., считающейся самой ранней из известных надписей эпохи Уйгурского каганата, довольно подробно сообщается об основании города и организации жизни двора в новых землях:

«Я... повелел поставить [свою] ставку на западной окраине Отюкэна, в верховьях [реки] Тез. Там, в год барса (750 г. – С.Д.) и в год змеи (753 г. – С.Д.), я провел два лета. В год дракона (752 г. – С.Д.) я провел лето посредине Отюкэна, к западу от священной вершины Сюнгюз Башкан. Я повелел поставить здесь [свою] ставку и возвести здесь стены. Свои вечные (букв. «тысячелетние и десятитысячедневные») письмена и знаки здесь на плоском камне я повелел вырезать (букв. «создать»), на грузном камне я повелел воздвигнуть. Так как [мне] благоволило голубое Небо, что наверху, так как [меня] взлелеяла бурая Земля, что внизу, то были созданы мой эль и мои установления. Народы, обитающие впереди [на востоке] там, где восходит солнце, и народы, обитающие позади [на западе], там, где восходит луна, народы [всех] четырех углов света отдают [мне свои] силы, а мои враги утратили свою долю... Среди восьми [рек] мой скот и мои пашни. Восемь [рек], Селенга, Орхон, Тола радуют меня.

По [рекам] Карга и Бургу, в той стране, я поселяюсь – переселяюсь [кочую] по двум моим рекам. В моих летних кочевьях, на западном краю северного склона Отюкэна, к востоку от верховьев [реки] Тез [здесь] я поселяюсь – переселяюсь... я учредил свою ставку посредине Отюкэна, к западу от священной вершины Сюнгюз-Башкан» [9, с. 92–94].

К сожалению, С.Г. Кляшторный не приводит никаких данных, которые позволили бы установить этимологию названия «священной вершины Сюнгюз-Башкан ($s\"{u}\eta\ddot{u}z$ $ba\breve{s}qan$ yduq $ba\breve{s}$)» 12. Тот же топоним упоминается и в более поздней надписи из Могон Шине Усу (т.н. Селенгинский камень), найденной финской экспедицией в 1909 г. (подробнее см. [52, р. 10–11]). Эта надпись, где повествование идет тоже от лица Элетмиш Бильге-кагана, местами дословно совпадает с Терхинской стелой, что позволяет иногда использовать две надписи для чтения поврежденных фрагментов текста. В строке 9 восточной стороны стелы также говорится о строительстве каганом дворца в Отюкэне¹³, как переводит Рамстедт, «к западу от священного источника» («im Westen von der Heiligen Quelle» [52, p. 22–23]). В переводе Рамстедта Сюнгюз башкан не упоминается, так как часть текста испорчена, но весь фрагмент (...iniz baši anda yduq baš kidintä) настолько напоминает текст Терхинской надписи, что можно предположить, что речь идет об одном и том же¹⁴. Нам кажется, что, хотя перевод С.Г. Кляшторного («вершина») совершенно оправдан, перевод Рамстедта добавляет некоторые необходимые оттенки, впрочем, совершенно непонятные без комментария. Дело в том, что баш, согласно Радлову, это «голова, верхняя часть, начало» [16, т. IV, ч. 2, с. 1546–1551], таким образом, Кляшторный предпочел выбрать второе значение, а Рамстедт – третье, при этом, к сожалению, не объяснив, что имеет в виду не обычный родник, а именно нечто, связанное с истоком, началом. Думаю, что в данном случае имеет смысл помнить об обоих значениях, не исключено, что имеется в виду вершина, определенным образом ассоциировавшаяся с происхождением уйгуров. К сожалению, никакой поясняющей информации у нас нет.

В китайских источниках сообщается, что первый уйгурский каган, свергнувший кагана тюрок, «поселился в былых землях тюрок, разместил свою резиденцию между [горой] Удэцзяньшань 烏德鞬山 и [рекой] Куньхэ 昆河» [24, цз. 217, ч. 1, с. 6114]. Тюркские прообразы китайских транскрипций топонимов в данном фрагменте, как кажется, определяются достаточно легко, это «горы» Отюкэн и река Орхон, таким образом, данная информация полностью соответствует данным цитировавшихся выше надписей Элетмиш Бильге-кагана.

Несмотря на плохую сохранность многих фрагментов, эпиграфический корпус эпохи раннего каганата позволяет с известной долей уверенности реконструировать исторические представления уйгуров этого периода. Согласно этим представлениям, основателями первого уйгурского царства были три кагана, которые «двести те на царстве сидели» (сохранились имена двух из них, Йолыг-кагана и Бумын-кагана, см. [9, с. 93]), после чего оно погибло под ударами иноземцев. Интересно, что Бумын-каган в качестве первопредка и основателя государства упоминается

и в уже анализировавшейся нами большой надписи Бильге-кагана (см. [13, стк. 1, с. 21, 36]), сообщается там и о крушении этого первого тюркского государства и его закабалении «табгачами» (китайцами) (см. [там же, стк. 5–8, с. 21, 36–37]). Это позволяет частично ассоциировать это полулегендарное государство с первым Тюркским каганатом (551–630) и говорит о том, что историческая память уйгуров была частично заимствованной у тюрок, так как по китайским источникам нам известно, что предки уйгуров, теле, не только не играли значительной роли в управлении первым каганатом, но и примерно с 600 г. находились в состоянии перманентного восстания против его власти (см. [3, с. 143]). За этим первым царством последовало второе, просуществовавшее 80 лет. Судя по тому, что в Терхинской надписи Элетмиш Бильге-каган называет правителей этого государства «моими предками» [9, с. 93], они были из рода Яглакар. После падения этого царства прошло 70 лет (см. [10, с. 87]), после чего на престол и взошел Элетмиш Бильге-каган, славный основатель нового каганата.

Вероятно, это второе государство уйгуров можно сблизить с теми огузами, которых орхонские тюрки, по приведенному нами выше сообщению надписи Тоньюкука, разбили в Отюкэне. По сообщениям китайских источников, нам известно, что примерно с 40-х годов VII в. уйгуры выходят на первый план среди токуз-огузов, их вождь Тумиду называл себя каганом и имел в степи большое влияние. В начале 80-х годов VII в. уйгуры были разбиты (видимо, это и есть сражение в Отюкэне, описанное в надписи Тоньюкука) усилившимися восточными тюрками (см. [3, с. 143–144]) и были вынуждены покинуть свои кочевья на долгие десятилетия, ожидая удобного случая для ответного удара.

К сожалению, в источниках этого времени довольно мало информации о том, что уйгуры считали своей прародиной. Судя по всему, второе уйгурское государство в основном охватывало, как сказано в Терхинской надписи, «Отюкэнский эль и окружающие его эли ... на реке Орхон» [9, с. 93]. Это совпадает с сообщением надписи Тоньюкука, что разбитые им огузы пришли «по реке Тогла (т.е. Тола. – $C.\mathcal{A}$.)» [13, стк. 15, с. 57, 66]. Значит, основание в долине Орхона столицы, Орду-балыка, и размещение там центра мощи Уйгурского каганата, помимо того, что позволяло использовать находящиеся там тучные пастбища, знаменовало победу уйгуров над врагом и возвращение на земли предков, с которых эти враги их когда-то изгнали. Заметна разница в характере описания Отюкэна в орхонских и уйгурских надписях – Бильге-каган и Тоньюкук подчеркивают скорее хозяйственное и политическое значение региона для процветания тюркского государства, а в надписях Элетмиш Бильге-кагана начинает фигурировать священная вершина Сюнгюз башкан, отчего весь регион обретает сакральные черты. Очевидно, что все эти представления, довольно разработанная система оригинальной сакральной топонимики не могли бы сложиться за несколько лет, прошедших после победы над тюрками. Со значительной долей уверенности можно заключить, что уйгуры считали Отюкэн своей исконной, наследственной землей, а каганы орхонских тюрок основали здесь свою ставку в первую очередь потому, что

прекрасно понимали, сколько преимуществ получает степная держава, которая контролирует такие благодатные земли.

После примерно века бурной и славной истории, в 840 г. Уйгурский каганат пал под ударами енисейских киргизов и уйгуры были снова вынуждены оставить долину Орхона, бежав к границам Китая, в Ганьчжоу, или в Турфан, на юго-западные рубежи своей былой империи. Орду-балык, один из первых (если не первый) крупных городов в полном смысле этого слова¹⁶, возведенный в монгольских степях, был сожжен и обезлюдел. По сообщению Джувейни, к монгольскому времени его развалины, видимо, пользовались у местных жителей дурной славой, поскольку место было известно под композитным тюрко-монгольским названием Ма'у-балык, что может быть переведено как «Плохой город» [36, vol. I, р. 54]. Топоним «Утикан», перекликающийся с «Отюкэн», упоминает Рашид ад-Дин в качестве названия одной из десяти рек, текущих в исконных землях уйгуров, неподалеку от горы Каракорум (см. [17, т. I, ч. 1, с. 147]). По всей видимости, это самый поздний, уже сильно искаженный отголосок этого географическо-идеологического концепта, почти полностью забытого в степи к моменту воцарения Чингис-хана.

После падения каганата долина Орхона надолго исчезает из исторических хроник. Фактически вплоть до монгольского времени эти места, вовсе не потерявшие своей природной притягательности для кочевников, не играют сколь-либо важной роли в истории региона. Нам известен лишь один эпизод, который позволяет утверждать, что память о роли Отюкэна в становлении империй пусть и ослабела, но не исчезла полностью. В *Ляо ши* 遼史 («История [династии] Ляо») 17 читаем:

«В девятом месяце [третьего года эры правления под девизом Тянь-цзань 天贊] ^{18} (924 г. — C, $\mathcal{L}$.), [в день] $\mathit{бин-шэнь}$ (33-й день цикла. — C, $\mathcal{L}$.), [император разбил лагерь] близ древнего уйгурского города ^{19} , [приказал] вырезать камень с описанием [своих] заслуг. [В день] $\mathit{гэн-изы}$ (37-й день. — C , $\mathcal{L}$.) молился солнцу в лесу Тайлинь ^{20} ... [В день] $\mathit{дин-сы}$ (54-й день. — C , $\mathcal{L}$.) [приказал] зачерпнуть воды из Цзиньхэ $\mathit{£}$? (Орхон. — C , $\mathcal{L}$.), взять камней с горы У-шань $\mathit{Е}$, приказал на носилках доставить их к Желтой реке ^{21} и горе Муешань ^{22} , чтобы обозначить мысль, [что эти] гора и река [как бы] являются ко двору, [дабы выразить покорность] океану и Пику предков (т.е. Муешань. — C , $\mathcal{L}$.)... В день $\mathit{изя-изы}$ (1-й день. — C , $\mathcal{L}$.) повелел стереть [надписи] на древней стеле Би-э кагана E E [Бильге-каган. — C , $\mathcal{L}$.) и написать [на ней] о своих ^{23} заслугах киданьскими, тюркскими и китайскими знаками» [28, цз. 2, с. 20] ^{24} .

В этом чрезвычайно интересном сообщении наше внимание привлекает два обстоятельства. Во-первых, упоминание У-шаня, т.е. Черных гор (или Черной горы), выступающих, вместе с Орхоном, в роли главного сакрального объекта, связываемого с Уйгурским каганатом. Более чем вероятно, что мы имеем дело с китайским переводом топонима «Каракорум», тогда если принять на веру, что запись в *Ляо ши* основана на раннеляоских источниках, то это первое из известных нам упоминание этого сакрального топонима, отсутствующего в надписях орхонских тюрок и уйгурских

каганов. Во-вторых, обращает на себя внимание описываемая во фрагменте концепция своеобразной «кражи» основателем династии Ляо имперской мощи давно сгинувшего Уйгурского каганата, осуществленной посредством переноса к священным местам киданьского правящего дома камней, взятых с сакральной горы уйгуров и воды из их священной реки.

Для продолжения нашего исследования вернемся к уже упоминавшейся нами стеле, посвященной заслугам рода идикутов. Из известных нам источников именно в ней полнее всего излагается концепция происхождения уйгуров и возникновения Уйгурского каганата, а также описывается сакральная география орхонского региона.

«В землях уйгуров есть горы Хэлинь, [из которых] вытекают две реки, [одна] называется Ту-ху-ла, [вторая] называется Сюэ-лин-гэ. Однажды ночью небесный свет снизошел на дерево между двумя реками. Люди пошли туда и осмотрели его. Дерево породило нарост, подобный беременному человеческому телу, и оттуда был постоянно виден свет. По прошествии девяти месяцев и десяти дней нарост разодрался, были обретены пять младенцев, [люди] взяли их выкармливать, тот, который был самым младшим [из них]²⁵, звался Удань Буку-каган (兀單卜古可罕)²⁶. Так как он был силен, то сумел завладеть людьми, землями и полями своего народа и стал их правителем. [Его власть] передавалась [по наследству] на протяжении [правления] более чем сорока правителей, всего 520 лет, и вот Алиби Биликэ [阿力秘畢立可]²⁷ взошел на престол как идикут-каган, идикут – это наименование вождей этого государства. [Он] много сражался с людьми Тан, это продолжалось долго, а потом решили заключить мир и породниться, чтобы [дать] отдохнуть народу и распустить войска. Тогда [император] Тан отдал принцессу Золотой лотос [Цзинь-лянь гун-чжу 金蓮公主] 28 в жены сыну кагана, Гэли-тегину [葛勵的近]²⁹. Они поселились [близ] Хэлиня, в Бели-болида [別力跛力答]³⁰, так называется гора, где они обычно живут. Еще [там] есть гора, которая называется Тяньгэлигань-даха [天哥里 干答哈]³¹, что значит «Небесная чудесная гора». На юге есть скалистая гора, называемая Худэ-даха [胡的答哈]³², что значит «Счастливая гора». Танский посол вместе со специалистом по геомантии прибыл в это государство, [и тот] сказал: "Процветание и сила Хэлиня – из-за того, что есть эта гора. Снеси или разрушь эту гору, чтобы ослабить их". Тогда [посол] заявил кагану следующее: "Поскольку был заключен брак, у [нас] есть просьба к кагану, согласится ли он? Камни Счастливой горы в вашем государстве негде применить [с пользой], а в Тан – это вещь, которую редко видят". [И каган] согласился на это. Камни были столь велики, что их невозможно было сдвинуть, [тогда] танский посол приказал развести огонь и раскалить их, брызгать [на раскаленные камни] вином и уксусом, [так] раскололи камни на мелкие кусочки и унесли их на носилках. [После этого] птицы и звери в государстве горестно рыдали из-за этого, через семь дней каган скончался. Начиная с этого времени в государстве было много бедствий и зловещих знамений, народу негде было спокойно жить, из тех, кто наследовал трон, многие сгинули. Поэтому все переселились

[в земли] к востоку от Цзяочжоу [交州], в Бешбалык [別失八里]³³, поселились и стали править Цзяочжоу. Цзяочжоу это нынешнее Гаочанское княжество [高昌國]» [30, с. 40].

На что прежде всего нужно обратить внимание в этом тексте? Прежде всего здесь впервые подробно объясняется концепция, так сказать, «имперского фэншуя», зависимости процветания и силы государства от священных гор, согласно которой если разрушить эти священные горы, то вместе с ними неминуемо погибнет и государство. Отголоски этой концепции мы видели в *Ляо ши*, но здесь она изложена максимально полно. Также стоит отметить, что Хэлинь, Каракорум, становится почти синонимом не только долины Орхона, но и Уйгурского государства вообще.

Нет никакого сомнения, что в этом отрывке отразились исторические представления турфанских уйгуров в том виде, в каком они сформировались у них ко времени создания стелы, спустя пятьсот лет после того, как их предки покинули долину Орхона. Видно, насколько сильно они отличаются от того, что мы видели на надписях уйгурских каганов: правители каганата приобрели черты легендарных первопредков, забыта победа над орхонскими тюрками, забыто само название Отюкэна, полностью замещенное Каракорумом.

Что касается линии чудесного рождения Буку-хана и его правления, то трудно сказать, что послужило основой этой легенды – в известных нам легендарных традициях о происхождении тюрок этот или напоминающий его персонаж не упоминается. Невозможно установить, основана ли эта легенда на традиции, восходящей к временам Уйгурского каганата или более ранней, которая по тем или иным причинам не была отражена в эпиграфических памятниках, или речь идет о сюжете, выработанном уйгурами уже в Турфане.

Однако в целом именно эту историю происхождения уйгуров и Уйгурского государства или ее чуть более раннюю версию, без всякого сомнения, рассказывали уйгурские сановники, призванные Чингис-ханом учить монгольских князей своей письменности и принципам построения оседлого государства, в которых степные воители были не очень сильны (подробнее об этом см., например, [33; 23; 22]). Были такие советники и у Угэдэя (см. [50, р. 283–285]).

То, что эта история существовала примерно в том же виде в царствование Угэдэя, подтверждает следующий любопытный пассаж из Джувейни, который мы приведем лишь частично, обращая внимание прежде всего на те его части, которые касаются интересующих нас вопросов:

«По мнению уйгуров, их поколения появились и взросли на берегах Орхона, чьи истоки стекают с горы, которую они называют Каракорум. Город, построенный Каганом (Угэдэем. – C, $\mathcal{A}$.) в настоящее время, также назван по этой горе. Тридцать рек имеют свои истоки на ней, вдоль каждой реки жил отдельный народ, уйгуры составляли две группы на Орхоне. Когда их число выросло, то остальные народы выбрали себе правителя из них и согласились быть покорными ему. И так продолжалось на протяжении

пятисот лет, до появления Буку-хана. Теперь говорят, что Буку-хан был Афрасиаб³⁴, и там есть руины колодца и также большой камень на вершине холма близ Каракорума, и говорят, что это колодец Биджана³⁵. Также там есть руины города и дворца на берегу этой реки, чье имя Орду-балык, хотя сейчас он называется Ма'у-балык. Вне руин дворца, напротив ворот, лежат камни с выгравированными на них надписями, которые мы видели сами. Во время правления Кагана эти камни были подняты и был найден колодец, и в колодце большая каменная плита, с письменами, выгравированными на ней. Был отдан приказ, что все должны явиться, чтобы прочесть письмена, но никто не мог прочесть их. Затем из Хитая были доставлены люди, которые зовутся Каман, это было их письмо, то, что было выгравировано на камне, [и вот что там было написано] 36; "В это время две реки Каракорума, одна, называемая Тугла, и другая - Селенге текли рядом в месте, называемом Камланджу, и близко друг от друга между этими двумя реками стояли два дерева... Между этими двумя деревьями возник большой курган, и свет снизошел на него с неба, что ни день курган становился больше. Увидев это странное место, уйгурские племена были полны изумления, и с почтением и смирением приблизились они к кургану, они услышали сладкие и приятные звуки, похожие на пение. И каждую ночь свет освещал пространство на тридцать шагов вокруг кургана, и, точно так же, как беременная женщина в момент своего разрешения, открылась дверь, и внутри оказались пять комнат, похожих на шатры, в каждой сидел мальчик, напротив рта каждого мальчика была подвешена трубка с молоком, как необходимо, а над шатром была натянута серебряная сеть. Вожди племени пришли посмотреть на это чудо и в знак почтения преклонили колени верности... Они дали каждому мальчику имя: старшего назвали Сонкур-тегин, второго Котур-тегин, третьего Тюкен-тегин, четвертого Ор-тегин и пятого Буку-тегин"» [36, vol. I, p. 54–56].

Далее в надписи, по утверждению Джувейни, рассказывалось о том, как уйгуры приняли решение выбрать одного из братьев своим правителем и выбрали Буку-хана. Явившаяся ему во сне чудесная девица отвела его к горе, где он обосновался и с помощью братьев создал могучую державу. После этого он выстроил столицу Орду-балык, все его правление прошло под знаком божественного покровительства, духи нередко являлись к нему во сне и давали наставления (см. [36, vol. I, р. 56–60]).

Как мы видим, рассказанное Джувейни полностью совпадает с тем, что мы видели на стеле идикутов, за исключением того, что в изложении персидского историка почти ничего не говорится о священных горах и их влиянии на государство.

В сущности, особенное отношение кочевников к горам отмечено далеко не только у уйгуров, это общее свойство степняков. И в наше время в местах обитания монголов редкая возвышенность, будь то небольшой холмик или самая труднодоступная горная вершина, не украшена *ово* – пирамидой, сложенной из камней, в которую каждый проходящий добавляет свой камень в знак почтения к божеству. С горой Бурхан-халдун

тесно переплетена история жизни Чингис-хана (см. [54, vol. II, p. 1201]), на ней он спасся во время набега меркитов, похитивших его жену Борте, после чего завещал своим потомкам приносить горе жертвы (см. [54, vol. I, § 103, р. 33]), неподалеку от нее он и некоторые его наследники нашли свое последнее пристанище (см. [54, vol. II, p. 981-982; 48, vol. I, p. 329-363]). Таким образом, у рода Борджигин было все необходимое для создания собственной системы сакральной географии вокруг Бурхан-халдуна, и, судя по приведенным нами сообщениям из «Сокровенного сказания», при Чингис-хане были сделаны первые шаги к ее формированию. Для этого были и экономические предпосылки – пастбища вокруг горы Бурхан-халдун, одной из Хэнтэйских гор, ценились очень высоко, горы были покрыты лесами и изобиловали дичью, земли в достаточной степени орошались водами Онона и Керулена, с которыми была неразрывно связана вся славная история клана Борджигин. Однако Угэдэй предпочел этим землям, на которых он родился и вырос, долину Орхона, расположенную более чем в пятистах километрах к юго-западу. Почему?

Исходя из всего, что было сказано ранее, можно выдвинуть гипотезу, что в правление Угэдэя и, вероятно, его первых преемников великие ханы Монгольской империи находились под сильнейшим влиянием своих уйгурских сановников, которые во многом, что касается организации государства, стали для них учителями. В частности, судя по всему, великие ханы находились под влиянием их рассказов о величии Уйгурского каганата (каковое, не исключено, в этих рассказах было несколько преувеличено) и хотели видеть в Монгольском государстве его наследника, которому предназначено создать новую степную империю, равных которой давно не существовало. Очевидно, Угэдэй также находился под влиянием сакрально-политических концепций турфанских уйгуров, их представлений об определяющей важности гор и других природных объектов в судьбе империи, тем более что эти представления вполне соответствовали верованиям монголов. Именно в результате всего этого им было принято решение об основании столицы своей империи в непосредственной близости от столицы Уйгурского каганата, под сенью гор, которые уйгуры называли Каракорумом. Вероятно, он считал, что эти горы, в честь которых к тому же была названа столица, должны принести его империи великую силу и удачу, которую они когда-то дали, как утверждали его советники, Уйгурскому каганату. Думается, что именно эти основания, а не тучные пастбища (которые, конечно, тоже сыграли свою роль) привели к тому, что центром Монгольской империи стала долина Орхона, а не освященная именем Чингис-хана гора Бурхан-халдун, которой суждено было стать только некрополем Борджигинов.

Конец этого «уйгурского периода» в истории Монгольской империи связан с именем Хубилая (1215–1294, великий хан с 1260 г.). Около 1251/52 г. Хубилай, младший брат великого хана Мункэ (1209–1259, великий хан с 1251 г.), был назначен ответственным за управление северокитайскими провинциями империи (см. [25, цз. 3, с. 5]). В 1256 г. он решил

обзавестись собственной резиденцией поближе к Китаю и поручил своему советнику Лю Бинчжуну 劉秉忠 (1216–1274) (его биографию см. [25, цз. 157, с. 291–292]) найти, исходя из принципов китайской геомантии, благоприятное место, разработать план города и выстроить его, что и было сделано. Новый город, названный Кайпином 開平 (позже нередко упоминается под названием Шанду 上都, Верхняя столица), был построен в степях в 350 км к северу от совр. Пекина, неподалеку от оз. Долон-нор (местность Зуннайман-сумэ в 35 км к северо-западу от совр. г. Долунь на юго-востоке Внутренней Монголии), в 1260 г. именно здесь Хубилай был провозглашен великим ханом (см. [там же, цз. 4, с. 6]). Его младший брат Ариг-Буга, также провозглашенный великим ханом при поддержке части монгольской знати, недовольной явной склонностью Хубилая к китайской культуре, занял Каракорум, но это ему не помогло: Хубилай приказал прекратить поставлять в столицу зерно, поэтому вскоре там начался голод (см. [17, т. II, с. 144]), Ариг-Буга оставил Каракорум и вскоре был побежден.

В 1264 г. столица официально была перенесена из Каракорума уже в сам Китай, в бывшую столицу династии Цзинь (1115–1234), получившую название Даду 大都 (Великая столица)³⁷, совр. Пекин. Планирование нового города было снова поручено Лю Бинчжуну, работы начались в 1267 г., в 1274 г. было завершено строительство стен дворцового комплекса, к 1276 г. возведены городские стены, к 1285 г. город был полностью построен (см. [26, с. 629]). Окончательный отказ от «уйгурской парадигмы» в пользу «китайской» был ознаменован принятием Хубилаем в 1271 г. нового, китайского названия династии и государства, Юань 元 («праначало») (см. [12, с. 279]). Правившие до него каганы получают храмовые имена по китайскому образцу. Связь имперской идеологии с кочевыми традициями все больше ослабевает, усиливается влияние китайской культуры, с помощью китайских сановников формируется государство, управляющееся согласно многовековым принципам китайской администрации и делопроизводства.

После переноса столицы в Каракоруме была размещена ставка военного губернатора северных провинций, *сюань-вэй сы* 宣慰司 (см. [25, цз. 58, с. 124]). Во время войны Хубилая и Кайду (1230–1301)³⁸ и связанной с этим смуты Каракорум неоднократно переходил из рук в руки, в 1295 г. город был разграблен и сожжен императорской армией (см. [17, т. II, с. 210; 8, с. 176]). В 1312 г. Каракорум был переименован в Хэнин 和寧 («Гармония и мир») (см. [25, цз. 58, с. 124]): вероятно, к этому времени тюркское название уже не употреблялось, переименование было основано на китайском варианте, Хэлинь. «Уйгурская парадигма» и связанные с ней идеологические построения были окончательно забыты, по крайней мере в императорском дворце.

После падения династии Юань в 1368 г. сын последнего императора Тогон-Тимура, умершего в 1370 г. в Юго-Восточной Монголии, пытался закрепиться в Каракоруме, но не преуспел – город, скорее всего, уже почти заброшенный, был взят минскими войсками и сожжен (см. [48,

vol. I, p. 168; 8, c. 176]). Память о столице Угэдэя потускнела, само ее имя было быстро забыто монголами: Санан-сэцэн, ордосский историк XVII в., трижды упоминает город в своей хронике — один раз под сильно искаженным именем *Хорум-хан балгас* («городище Хорум-хана») (см. [53, р. 144–146, 404]) и дважды — под китайским названием Хэнин (см. [ibid., р. 211, 226]), что показывает, насколько мало ясности по этому вопросу было даже у самых образованных монголов того времени.

В 1585 г. к югу от Каракорума халхаский хан Абатай (1534–1588, хан с 1554 г.) построил монастырь Эрдени-цзу. В хронике XIX в., посвященной истории монастыря, сказано, что он был построен «у северного склона горы, поросшей наверху лесом, под названием Шарга-Адзарга ("светло-гнедой жеребец"; см. [46, р. 716, 62]. – $C.\mathcal{J}$.), там, где вступил на ханский престол третий сын Чингис-хана Угэдэй-ноён-хан, а затем жил Тогон-Тэмур-хан, на месте городища под названием Хагучин-тахай ("старая подкова"; см. [46, р. 908, 788]. – С.Д.)» [6, с. 202, 66]. Из приведенной цитаты видно, что, хотя воспоминания о столице великих ханов не исчезли полностью, вся топонимика этих мест изменилась до неузнаваемости. Мы не знаем, почему Абатай-хан выбрал для основания монастыря именно это место, но, скорее всего, в данном случае главную роль сыграли именно тучные пастбища долины Орхона, которые гарантировали монастырю богатство и процветание. Крайне маловероятно, чтобы им двигало какое-нибудь особое уважение к столице своих предков - по крайней мере оно не помешало строителям Эрдени-цзу разбирать руины Каракорума, чтобы использовать камень, в том числе стелы с ханскими указами, для возведения монастырских построек (см. [8, с. 130]). Не исключено, что именно наличие поблизости от местоположения будущего монастыря больших запасов строительных материалов могло повлиять на выбор места. Еще менее вероятно намерение использовать волшебную силу священных гор. Все идеи, которыми руководствовался Угэдэй при строительстве своей столицы, ушли в прошлое вместе с его уйгурскими советниками.

Примечания

¹ Нам известен только один памятник монгольской дворцово-городской архитектуры, постройка которого может быть датирована несколько более ранним временем, чем строительство Каракорума – это т.н. город на р. Хирхира в Забай-кальском крае (см. [8, с. 23–58]), который исследовавший его С.В. Киселев датирует эпохой зарождения Монгольского государства. По его мнению, к 1225 г. город этот, принадлежавший Есункэ, сыну младшего брата Чингис-хана Джочи-Хасара, был уже в основном построен (см. [8, с. 56]). Однако, во-первых, город пока изучен далеко не полностью, а предложенная датировка, помимо особенностей архитектуры зданий, главным образом основана на предположении, что именно неподалеку от него изначально находился т.н. Чингисов камень, поставленный, как считается, ок. 1224–1225 гг. в честь награждения Есункэ за победу в состязании лучников. Это предположение вряд ли может быть убедительно доказано, потому

что уже в 1818 г., когда поступили первые сведения о камне, он находился не на своем изначальном месте, а в Нерчинском заводе (см. [8, с. 53]); все сведения местных жителей, которые ассоциируют его с городом на р. Хирхире, были получены не ранее середины, а в основном уже в конце XIX в. (см. [11, с. 56]), а в данном случае мнение старожилов вряд ли может считаться весомым аргументом; таким образом, вопрос датировки города еще рано считать закрытым. Во-вторых, даже если постройка города и относится ко времени, которым его датирует С.В. Киселев, что более чем вероятно, то это не принципиально раньше Каракорума, и все-таки его идеологическое, политическое и экономическое значение в общеимперском масштабе было невелико (как и размеры города – площадь, более или менее компактно застроенная, составляет около 600 на 1000 м, укрепленная цитадель, в которой находился дворец, представляет собой квадрат всего 100 на 110 м (см. [8, с. 24–25]), это скорее дворец, окруженный жилищами челяди и необходимый для нужд владельца ремесленников (возможно, пленных, захваченных в Средней Азии), нежели город в полном смысле этого слова), хотя и показывает проявляющуюся склонность некоторых монгольских владетельных князей к комфорту своих оседлых подданных.

² Руины города находятся в совр. Убур-Хангайском аймаке Монгольской Республики, в 320 км к юго-западу от Улан-Батора.

³ Подробнее об истории изучения города и попытках установить его местонахождение см. (37, vol. I, p. 122–123, n. 304; 8, c. 126–131).

4 Фрагменты этой стелы, написанной на монгольском и китайском языках, были обнаружены В.В. Радловым во время экспедиции 1890-1891 гг., организованной вскоре после установления местоположения древней монгольской столицы сибирским краеведом Н.М. Ядринцевым в 1889 г. (см. [19]). Два монгольских фрагмента стелы, которую Радлов датировал временем правления Мункэ (1209–1259, великий хан с 1251 г.), были опубликованы в 1892 г. (см. [15, ил. 41]). В 1912 г. развалины Каракорума посетил В.Л. Котвич, ему удалось обнаружить еще три фрагмента стелы, с надписями на монгольском языке на одной стороне и на китайском - на другой. Он установил, что китайский текст стелы содержится в собрании сочинений известного юаньского поэта Сюй Южэня 許有壬 (1287-1364) (см. его биографию в [25, цз. 182, с. 333]), чье имя можно найти на сохранившихся фрагментах. Текст датирован 1346 г., монгольская версия, по всей видимости, является переводом китайского текста. В полном варианте, содержащемся в собрании сочинений, текст озаглавлен Чи цы Син-Юань гэ бэй 勅賜興元閣碑 «Стела, пожалованная, согласно императорскому декрету, ступе Процветающей Юань» (см. [27, цз. 45, с. 323–324) и повествует о том, что в 1256 г. хан Мункэ повелел построить в Каракоруме ступу в пять ярусов высотой 300 чи (93,5 м), в 1311 г. она была отремонтирована, в 1342 г. император приказал снова обновить ее. По завершении работ, в 1346 г., ступа была названа Син-Юань гэ, «Ступа Процветающей Юань», а Сюй Южэню было приказано составить по этому поводу надпись для памятной стелы. Также об истории изучения надписи см. [49], перевод и подробный комментарий китайского текста и сохранившихся монгольских фрагментов см. [40, р. 1–123].

⁵ То, что Каракорум был не только дворцом хана, желающего приобщиться к оседлому комфорту, окруженным жилищами гвардии и необходимой обслуги, а еще

и довольно крупным торговым и ремесленным центром, окончательно доказали раскопки 1948–1949 гг., проведенные экспедицией под руководством С.В. Киселева. Невысокие городские стены (вал в толщину не превышал 2-2,5 м, сверху тянулся плетневый палисад, обмазанный глиной, все вместе в высоту вряд ли превышало 4-5 м; см. [8, с. 138, 173]), призванные скорее обозначать городскую границу, нежели обеспечивать городу реальную защиту, огораживали значительную территорию, представляющую собой неправильный четырехугольник, ориентированный по странам света, несколько сужающийся к югу. С севера на юг протяженность города превышала 2 км, с запада на восток составляла ок. 1,5 км (см. [там же, с. 128]). Дворец Угэдэя находился в юго-западном углу города, был обнесен такими же невысокими стенами, как и весь город, и представлял собой правильный квадрат 255 на 225 м [там же, с. 138], т.е. занимал не слишком значительную часть городской плошади. Остальная часть города, судя по результатам раскопок, была довольно густо заселена. У восточных ворот, к которым примыкало предместье, найдены обломки жерновов и молотильных камней, что говорит о том, что здесь жили люди, занимавшиеся земледелием, в разных концах города найдены плуги и жернова (см. [там же, с. 174, 180]). Это указывает на намерение строителей города содействовать его хотя бы частичному самообеспечению продовольствием, впрочем, известно, что город все равно сильно зависел от поставок зерна из Китая. От центра города к восточным воротам вела улица, сплошь обстроенная домами. Судя по особенно частым находкам в этом районе города монет, здесь размещались торговые лавки (см. [там же, с. 174]). По сообщениям Гийома Рубрука, посетившего город в 1254 г., в нем были две главные улицы, на одной из которых жили мусульмане, в основном торговцы, а на другой – китайцы, которые преимущественно занимались ремеслом; в городе было 12 языческих храмов разных народов, две мечети и одна несторианская церковь (см. [55, р. 285–286]). По данным раскопок, в центре города, на пересечении двух главных улиц, находились ханские мастерские, весьма активно функционировавшие. В этом месте за свою недолгую историю город успел сформировать необыкновенно богатый культурный слой, его толщина достигает 5 м. Нижний горизонт, соответствующий времени основания и высшего расцвета города, очень насыщен находками, свидетельствующими об активном металлообрабатывающем производстве, на сравнительно небольшом участке найдено до 10 металлургических горнов и множество изделий, особенно много массивных втулок к осям телег, походных котлов на ножках, стрел и сабель (см. [8, с. 176–178]). Все это свидетельствует о том, что промышленные мощности Каракорума активно использовались при подготовке к дальним походам монгольских армий. Лабораторные условия показали, что чугун, использовавшийся в ряде изделий, требовал для плавки очень высоких температур, порядка 1350°, которые достигались с помощью сложной системы механических мехов, приводимых в действие водой, поступавшей в город по каналам из р. Орхон, остатки этой системы найдены в крупной металлургической мастерской в центре города (см. [там же, с. 178]). В верхних слоях, когда город уже утратил свои столичные функции, преобладают следы весьма разнообразного керамического производства (см. [там же]). На всей территории Каракорума сделано много находок привозных вещей (фарфора, зеркал, шелка), которые, как и большое количество найденных монет, говорят о большом распространении торговли (см. [там же]). Остатки зданий

группируются в основном вдоль двух главных улиц, остальная часть города почти не застроена – видимо, там стояли юрты (см. [там же, с. 126]).

⁶ Эта стела, датируемая концом 1334 г., была установлена в качестве знака монаршей милости к роду идикутов (от тюрк. Ыдук кут, «священное счастье»), правителей уйгурского Турфанского княжества, которые во время войны Кайду и Хубилая, около 1285 г., были переселены последним в г. Юнчан 永昌 пров. Ганьсу, подальше от театра военных действий. Стела относится к числу немногих эпиграфических памятников юаньского времени, текст которых написан на китайском и уйгурском языках. Нижняя часть стелы была обнаружена в 1933 г. в овраге, после этого получившем название Шибэй-гоу («Овраг каменной стелы»), в 15 км к северу от г. Увэй 武威 пров. Ганьсу, и перевезена в уездное управление образования (Вэньцзяо-гуань 教育館). Вероятно, место находки стелы, находяшееся примерно в 50 км к юго-востоку от г. Юнчан, можно считать местом погребения идикута Нюлинь-тегина 紐林的斤, умершего в Юнчане в 1318 г., так как стела была дарована императором его сыну, Темир Бухе 帖睦兒補花, и было бы логично поставить ее именно на могиле отца, чьи заслуги также превозносятся в стеле. Найденный фрагмент был исследован в 1943 г. китайским археологом Хуан Вэньби 黄文弼. По сведениям Хуан Вэньби, вскоре после этого стелу спрятали, чтобы спасти от опасностей войны, которая приближалась к городу, и после этого найти ее не смогли. Таким образом, долгое время считалось, что единственным свидетельством существования стелы является эстамп, снятый Хуан Вэньби, который был опубликован им в 1964 г. (см. [30]). К счастью, в 1983 г. Дан Шоушань опубликовал небольшую статью, в которой сообщил, что стела вовсе не утеряна, а по-прежнему хранится в г. Увэй, в здании бывшего управления образования, в котором ныне размещается Совет по управлению культурой (Вэньгуань хуй 文管會) (см. [21, с. 96]). Сохранившийся фрагмент имеет ок. 182 см в высоту, 173 см в ширину и 52 см в толщину, с одной стороны на него нанесен китайский, с другой уйгурский текст. Китайский текст в оригинале состоял из 36 вертикальных строк, максимальное число знаков в строке - 90, на сохранившийся фрагмент попало несколько меньше половины текста, а именно 41 знак нижней части строки, из чего можно заключить, что до разрушения стела представляла собой весьма внушительный монумент. Реконструкция текста по нижней половине представляла бы собой довольно трудную задачу, но, к счастью, китайский текст, с незначительными разночтениями, сохранился в собрании сочинений автора надписи, известного юаньского поэта Юй Цзи 虞集 (1272-1348) (его биографию см. [25, цз. 181, с. 331-332]) Дао-юань сюэ-гу лу 道園學古錄 («Записи о изучении древности из сада Дао») (см. [35, цз. 24, с. 349–353]), сборнике юаньской литературы Юань вэнь лэй 元文類 («Юаньская изящная словесность, [разложенная] по категориям») (см. [34, т. I (шан), цз. 26, с. 325-328], а также, в несколько другой версии, по всей видимости, непосредственно переписанный со стелы, когда она еще сохраняла свою целостность, в книге, датированной эрой правления под девизом Цянь-лун 乾隆 (1736–1795) Увэй-сянь чжи 武威縣誌 («Трактат об уезде Увэй») (см. [29, цз. 1, с. 86а-89б]). Уйгурский текст, написанный неким Кэкэ Корга Инчу (Käkä Qorya Inčü), представлял собой, по всей видимости, 10 секций, расположенных одна над другой, по 52 строки в каждой; на сохранившемся фрагменте осталось четыре с половиной секции, т.е. вторая половина текста. К сожалению,

уйгурский текст поврежден несколько сильнее, чем китайский (см. [41]). Текст стелы был почти без изменений использован авторами *Юань ши* при написании главы, посвященной роду идикугов (см. [25, цз. 121, с. 284]).

⁷ Поль Пеллио, за которым мы во многом следуем в своих рассуждениях, значения «сокровище» не отмечает (см. [48, vol. I, p. 166]).

 ^{8} Например, известен одноименный хребет на юго-западе Восточного Туркестана, к северо-востоку от западной цепи Гималаев.

⁹ Также отсюда, возможно, происходит слово «курень», обозначающее стойбище, скопление повозок или юрт, часто выставленных в круг (см. [25, с. 37, 45]). Впоследствии слово было заимствовано у тюрок казаками, запорожцы употребляли его как в первом значении – укрепленный лагерь, так и в качестве обозначения войсковой единицы, составной части полка. Донские казаки называют куренем сельскую усадьбу.

¹⁰ «Большой энциклопедический словарь»: «ЧЕРНЬ (черневая тайга), густые пихтово-еловые (иногда горно-таежные) леса с примесью осины и березы в Сибири» (http://www.slovopedia.com/2/215/275217.html). В качестве немецкого варианта слова Радлов предлагает der Schwarzwald. Не исключено, что русский вариант был выбран не в последнюю очередь по созвучию с немецким.

 ^{11} Считается, что надпись Тоньюкука датируется 725 г., а надписи Бильге-кагана – 732 г.

 ^{12} Словарное значение корня $s\ddot{u}\eta\ddot{u}$: — «копье» (см. [16, т. IV, ч. 1, с. 801–802; 39, р. 834–835]), решению проблемы не помогает.

¹³ Интересно, что Отюкэн упоминается в уже знакомом нам по надписям Бильге-кагана словосочетании «Отюкэнская чернь» (правда, Г. Рамстедт предпочитает переводить слово *јыш* просто как «лес», см. [52, р. 22–23]).

¹⁴ С.Г. Кляшторный, восстанавливая данный фрагмент надписи на Селенгинском камне, также считает, что речь идет о Сюнгюз-башкан (см. [9, с. 89]).

¹⁵ По Тэсинской надписи (обнаруженной в 1915 г. Б.Я. Владимирцовым в долине р. Тэс), в которой повествование ведется от имени уйгурского полководца, служащего наследнику уже покойного к этому времени Элетмиша Бильге-кагана, – 300 лет (см. [10, с. 87]).

¹⁶ К сожалению, мы не располагаем детальными сведениями об археологических раскопках в Орду-балыке (в конце XIX в. он был исследован экспедицией В.В. Радлова и Д.А. Клеменца, интересовавшихся прежде всего памятниками эпиграфики (см. [51, р. 283–299]), в 1933–1934 гг. − Д. Букеничем, в 1949 г. − С.В. Киселевым и Х. Пэрлээ (см. [7; 14])). Мощные укрепления уйгурской столицы выгодно отличаются от символических стен Каракорума, они построены из камня по оригинальной технологии некитайского происхождения (в Китае стены возводили из трамбованной глины, подробнее см. [47, р. 38; 20, с. 13; 38, р. 232–234]), некоторые части стен даже сейчас достигают 14 м в высоту. По сообщению арабского путешественника, посетившего город в 821 г., это был большой город с 12 железными воротами, рынками, кварталами ремесленников и большими предместьями, населенными земледельцами. В центре города размещался обнесенный стенами дворец, известный своей золотой юртой, способной вместить 100 человек и видной за многие километры. В городе жило много китайцев и согдийцев (см.

- [45]). Во время раскопок были найдены остатки манихейского храма, бронзовые мастерские, значительное количество китайских монет.
- ¹⁷ Стоит помнить, что *Ляо ши* была написана уже при Юань, но детали описываемого события, в частности довольно подробное описание деталей сакральной географии киданьской державы, позволяют надеяться на то, что авторы хроники опирались на аутентичные ляоские источники, а не реконструировали ситуацию, опираясь на собственные представления.
- ¹⁸ Тянь-цзань (Небесное покровительство) девиз второй и последней (922–926) эры правления основателя киданьской династии Ляо (916–1125) Абаоцзи (Елюй Амбагай, Тай-цзу 太祖) (правил в 907–926).
  - 19 Хуэй-ху чэн 回鶻城, скорее всего, имеется в виду Орду-балык.
- ²⁰ Выражение *тайлинь* 歸林, согласно комментарию словаря Grand Ricci, связано с обычаем племен *сяньби* 鮮卑 приносить осенние жертвы Луне, трижды объезжая верхом лесистое место (*тай*, собственно, и означает «объезжать вокруг»). Этот обычай впоследствии получил распространение в правление династии Тан (см. [42, vol. V, р. 741, № 10287]). Таким образом, данное выражение правильно было бы перевести как «Обряд объезда вокруг леса». Однако в данной фразе (*бай жи юй Тай-линь* 拜日于蹛林) Тай-линь, кажется, представляет собой название места. Можно предположить, по мнению автора текста, что существовал некий специальный лес, который объезжают при поклонении светилам.
- ²¹ Желтая река (Хуан-хэ 黄河) в данном случае, видимо, имеется в виду Шара-мурэн (Шаламулуньхэ 沙拉木倫河, Силамулуньхэ 西喇沐淪河), истоки которой находятся на юго-востоке Внутренней Монголии. Эта река, сливаясь с р. Лаохахэ 老哈河, дает начало р. Силяохэ 西遼河, которая, в свою очередь соединяясь с Дунляохэ 東遼河, образует р. Ляохэ 遼河. В киданьское время Желтой рекой называлась не только современная Шара-мурэн, но и современная Силяохэ (см. [32, т. 6, карта 7]).
- ²² Муешань 木葉山 («Гора древесных листьев») находится на месте слияния Шара-мурэн и Лаохахэ (в эпоху Ляо называлась Тухэ 土河 и считалась притоком Желтой реки) (см. [32, т. 6, карта 7]). Согласно письменным источникам, гора Муешань считалась священной горой династии Ляо, здесь находились храмы основателей династии (см. [37, vol. I, р. 256]). В 1979 г. в степях неподалеку от слияния рек Шара-мурэн и Лаохахэ китайские археологи раскопали ляоский город, определенный как Юнчжоу 永州. По предположению археологов, Муешань можно отождествить с горой Хайцзиньшань 海金山, находящейся на слиянии двух рек, неподалеку от города (см. [31]).
- 23 Э. Бретшнайдер полагает, что Абаоцзи приказал высечь надпись не о своих заслугах, а о заслугах уйгурского кагана (см. [37, vol. I, р. 256, п. 640]). Этот вариант возможен, как со смысловой (стелу о своих заслугах Абаоцзи приказал поставить у уйгурской столицы месяцем раньше), так и с грамматической точек зрения (сообщение об установке стелы, высеченной сразу по прибытии в уйгурские земли (лэ ши цзи гун 勒石級功), несколько отличается от информации о второй стеле (цзи ци гун 級其功), что в принципе может указывать на то, что речь идет о заслугах кого-то другого), однако не слишком понятно, зачем в таком случае необходимо было стирать со стелы уже имеющиеся надписи.

²⁴ Переводы данного фрагмента были сделаны Э. Бретшнайдером (см. [там же]) и В.П. Васильевым (см. [1, с. 29]). Впрочем, В.П. Васильев считает, что здесь речь идет не о долине Орхона, а о Ганьчжоу.

²⁵ Конечно, несколько странно говорить о самом младшем, когда речь идет о чудесном рождении младенцев, которые были обретены в лопнувшем наросте дерева. Видимо, здесь используется популярный мотив, согласно которому легендарный основатель рода и государства обычно оказывается младшим сыном в семье – ср. с историей Бодончара, основателя рода Борджигин (см. [54, vol. I, § 17–44, p. 3–81).

²⁶ Что значит удань – не вполне ясно. Бугу близко к тюркскому слову buga, buka, «бык» (см. [39, р. 312]). Это слово довольно часто использовалось в качестве части имени или титула различных тюркских и монгольских правителей и вельмож, в том числе и мусульманских (см. [36, vol. II, p. 736]).

²⁷ Явно имеется в виду Элетмиш Бильге-каган, правда, объединяющий в себе сразу всех уйгурских каганов.

В китайских источниках имя этой принцессы, кажется, больше нигде не встречается.

 ^{29} Teruh- тюркский титул, часто добавлявшийся к именам сыновей и младших братьев правителей.

³⁰ Вторая часть слова, возможно, указывает на тюркское слово балык «город» (см. [39, р. 335–336]).

Видимо, тюркское Тэнгри-хан-таг, гора Царя-Неба.

 ^{32} Вероятно, тюркское Кут-таг, гора Счастья.

³³ Бешбалык («Пятиградие») – город в предгорьях Тяньшаня, на северо-восток от Турфана (Гаочан). Он был летней столицей Турфанского уйгурского государства, поскольку земли вокруг него позволяли, в отличие от жаркого Турфана, вести кочевую жизнь (подробнее см. [4; 48, vol. I, p. 15, 126, 163, 388]).

Легендарный правитель Турана, извечный враг Ирана в персидском эпосе.

35 Иранский герой Биджан был в заключении у Афрасиаба, который заточил его в колодце.

6 Очень интересное сообщение, которое, правда, рождает больше вопросов, чем ответов. Э. Бретшнайдер полагает, что под «народом Каман» следует понимать шаманов, которые, как известно, в ряде языков (например, тувинском) называются кам (см. [37, vol. I, p. 257, n. 641]). Какими же письменами был написан текст на этой таинственной плите из Орду-балыка? Вероятно, орхонским руническим алфавитом, поскольку умеющих читать все иные письменности, которые можно было бы там встретить (уйгурский алфавит, китайские иероглифы), конечно, было бы несложно найти среди приближенных Угэдэя. Значит, в начале монгольского времени еще оставались люди, понимавшие тюркские руны? Считается, что рунический алфавит стал пережитком уже в Х в., и даже в отдаленных областях тюркского мира, на Алтае и Енисее, вряд ли пережил XI в. (см. [3, с. 329]). Теоретически, впрочем, можно предположить, что отдельные группы, сохранявшие знание рун в ритуальных целях, могли там просуществовать и до XIII в. Но почему тогда автор говорит, что этих «Каман» привезли из Китая? Конечно, нельзя полностью отрицать и вероятность того, что кагану не посмели сказать, что никто не может прочесть интересующий его текст, и какому-нибудь уйгурскому сановнику пришлось срочно импровизировать, предложив Угэдэю текст о происхождении уйгуров, являющийся вариацией представлений турфанских уйгуров о происхождении их далеких предков. Этим может объясняться удивительное сходство информации Джувейни и юнчанской стелы идикутов.

³⁷ В Азии город называли по-тюркски, Ханбалык, «город Хана», под этим же названием его упоминает и Марко Поло (см. [44, LXXV, p. 210]), но в монгольских хрониках преимущественно фигурирует китайское наименование.

³⁸ Внук Угэдэя, в 1266 г. отказался признавать власть Хубилая, в 1271 г. подчинил Чагатайский улус. Благодаря значительным военным дарованиям весьма успешно сражался с юаньскими войсками, в 1301 г. был разбит войсками Тимура (1265–1307, великий хан с 1294 г.), внука и наследника Хубилая, и вскоре умер. Его наследники вскоре признали сюзеренитет юаньских императоров и прекратили сопротивление.

Литература

- 1. Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. III. СПб., 1897.
  - 2. Владимириов Б.Я. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л., 1934.
- 3. Восточный Туркестан в древности и средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992.
- 4. Долбежев Б.Е. В поисках развалин Бешбалыка // Записки Восточного отделения Императорского Русского географического общества. Т. XXIII, вып. I–II. Пг., 1915.
- Иакинф (Бичурин). История первых четырех ханов дома Чингисова. СПб., 1829.
- 6. История Эрдени-цзу / Пер. и коммент. А.Д. Цендиной (Памятники письменности Востока. CXVIII). М., 1999.
  - 7. Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология. 1957, № 2.
  - 8. Киселев С.В., Евтюхова Л.А. и др. Древнемонгольские города. М., 1965.
- 9. *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1980, № 3.
- 10. *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983, № 6.
- 11. Кузнецов А.К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток, 1925.
- 12. Кучера С. Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань. Роль традиции в истории и культуре Китая. М., 1972.
- 13. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951.
- 14. Перлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // Советская археология. 1957, № 3.
- 15. $\it Padnos~B.B.$ Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. І. СПб., 1892.
- 16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий (Versuch eines Wőrterbuches des Turk-dialecte). Т. I–IV. СПб., 1890–1911.
- 17. *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. А.К. Арендса, Л.А. Хетагурова. М.–Л., т. III: 1946; т. I, ч. 1–2: 1952; т. II: 1960.

- 18. Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Т. І. Текст / Издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. VIII). М., 1962.
- 19. *Ядринцев Н.М.* Путешествие на верховье Орхона и к развалинам Каракорума // Известия Русского географического общества. Т. XXVI, вып. 1. СПб., 1890.
  - 20. Ань Цзиньхуай. Чжунго каогу (Китайская археология). Шанхай, 1996.
- 21. Дан Шоушань. «И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй» као (Изучение «Стелы о заслугах идикутов Гаочан-ванов») // Каогу юй вэньу. 1983, № 1.
- 22. *Ли Футун*. Вэй-у-эр жэнь дуй юй Юань-чао цзянь-го чжи гун-сян (Вклад уйгуров в создание государства династией Юань) // Ли Футун лунь-чжу цю-ань-цзи (Полное собрание сочинений и выступлений Ли Футуна). Т. I–V. Тайбэй, 1992. Т. III.
- 23. Ли Футун. Хуэй-ху юй Юань-чао цзянь-го чжи гуан-си (Уйгуры и их связь с созданием государства династией Юань) // Ли Футун лунь-чжу цюань-цзи (Полное собрание сочинений и выступлений Ли Футуна). Т. I–V. Тайбэй, 1992. Т. III.
- 24. Оуян Сю. Синь Тан-шу (Новая [версия] повествования о [династии] Тан). Пекин, 1975.
- 25. Сун Лянь, Ван Вэй и др. Юань ши (История Юань) // Эрши-лю ши (Двадцать шесть династийных историй). Т. 5. Хайнань, 1996.
- 26. *Сюй Пинфан.* Юань Даду и-чжи (Развалины юаньской [столицы] Даду) // Чжунго да байкэ цюаньшу. Каогусюэ (Большая китайская энциклопедия. Археология). Пекин, 1998.
- 27. Сюй Южэнь. Чжи-чжэн цзи (Собрание, [составленное в годы правления под девизом] Чжи-чжэн) // Сы-ку цюаньшу (Собрание книг четырех хранилищ). Т. 1211. Тайбэй, 1986.
  - 28. То-то и др. Ляо ши (История [династии] Ляо). Пекин, 1974.
  - 29. Увэй-сянь чжи (Трактат о уезде Увэй). [Б. м., б. г.]
- 30. *Хуан Вэньби*. «И-ду-ху Гаочан-ван ши-сюнь бэй» фу-юань бин цзяо цзи («Стела о заслугах идикутов Гаочан-ванов»: установленный и выверенный текст) // Вэньу. 1964, № 2 (№ 160).
- 31. *Цзян Няньсы, Фэн Юнцзянь*. Ляо-дай Юнчжоу дяоча цзи (Записки об исследовании ляоского Юнчжоу) // Вэньу. 1982, $\mathbb{N}$ 7.
- 32. Чжунго лиши диту цзи (Атлас истории Китая) / Под ред. Тань Цисяна. Т. 1–8. Пекин, 1996.
- 33. Чэнь Гаохуа. Юань-дай Вэйуэр, Халалу цзы-ляо цзи-лу (Сборник источников об уйгурах и карлуках юаньской эпохи). Урумчи, 1991.
- 34. Юань вэнь лэй (Юаньская изящная словесность, [разложенная] по категориям) / Сост. Су Тяньцзюэ. Т. 1–2. Пекин, 1958.
- 35. *Юй Цзи*. Дао-юань сюэ-гу лу (Записи о изучении древности из сада Дао) // Сы-ку цюаньшу (Собрание книг четырех хранилищ). Т. 1207. Тайбэй, 1986.
- 36. 'Ata-Malik Juvaini. The History of the World Conqueror. / Tr. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle. Vol. I–II. Manchester, 1958.
- 37. Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I–II. L., 1888.
- 38. Chang Kwang-chih. The Archeology of Ancient China. New Haven-London, 1977.

- 39. Clauson G. An etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxf., 1972.
- 40. *Cleaves F.W.* The Sino-Mongolian Inscription of 1346 // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. 1952.
- 41. Geng Shimin, Hamilton J. L'inscription ouighoure de la stèle commémorative des iduq qut de Qočo // Turcica. T. XIII, 1981.
- 42. Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise. Vol. I–VI, Index. Paris-Taibei, 2001.
- 43. Mahmud al-Kasgari. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luγ t at-Turk) / Ed.and transl. by Dankoff R., Kelly J. Vol. I–III. Harvard, 1982.
  - 44. Marco Polo. La description du monde. P., 1998.
- 45. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's journey to the Uygurs // Bulletin of Society of Oriental and African Studies, vol. XII, 1948.
- 46. Mongolian-English Dictionnary / Gen. ed. Lessing F.D. London-Los Angeles, 1960
- 47. Needham, J. Science and Civilisation in China. Vol. IV, Pt. 3. Civil Engineering and Nautics. Cambridge, 1971.
- 48. *Pelliot, P.* Notes on Marco Polo. Vol. I. Paris, 1959; Vol. II. P., 1963; Vol. III: Index. P., 1973.
  - 49. Pelliot P. Note sur Karakorum // Journal Asiatique. T. CCVI (1925, № 1).
- 50. *Rachewiltz, I. de.* Turks in the China under Mongols: A Preliminary Investigation of Turco-Mongol Relations in the 13th and 14th Centuries. China among Equals / Ed. by *M. Rossabi*. Berkeley–Los Angeles–London, 1983.
  - 51. Radloff V. Die Altturkischen Inschriften des Mongolei. St-Petersburg, 1895.
- 52. Ramstedt G.J. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // Journal de la Sociét Finno-Ougrienne. T. XXX, fasc. 3. Helsinki, 1913.
- 53. Schmidt J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi des Ordus. St-Petersburg, 1829.
- 54. The Secret History of the Mongols / Transl. by *I. de Rachewiltz*. Vol. I–II. Leiden–Boston, 2004.
- 55. Wyngaert, Anastasuis van den. Sinica Fransiscana, vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV. Firenze-Quaracchi, 1929.